

Т. Куциас

ГЕОРГ ЛУКАЧ И ПРЕМИЯ ГЁТЕ*

Статья посвящена интеллектуальной и политической эволюции венгерского философа и идеолога Георга Лукача (1885–1971), в мировоззренческом становлении которого особым образом раскрывается характер XX столетия.

В первой части статьи автор, отталкиваясь от факта присуждения Лукачу премии Гёте во Франкфурте-на-Майне (1970), анализирует антитетические истоки его философской позиции. Взгляды мыслителя сформировались под влиянием социологизаторского видения истории и понятия родовых сил Маркса. Однако Лукач обратился к вдохновлявшему немецкую культуру идеалу творящей личности Гёте, чтобы преодолеть методологическую односторонность марксистского образа человека, ориентированного на обобществленное понятие труда.

Во второй части статьи автор фокусирует внимание на скрытом истоке позиции Лукача — метафизике силы Ницше. Он выдвигает тезис о том, что становление революционных идей мыслителя с ранних пор подпитывалось концептами философии жизни (сила, поступок, опасность, судьба, трагичность, одиночество). Последующее вовлечение Лукача в идейный круг революции и Гражданской войны ослабило влияние Ницше, которое, однако, прослеживается в трактовке культуры как творчества высвобождающихся сил пролетариата. Третья часть статьи посвящена выяснению степени вовлеченности Лукача в революционное насилие во время венгерской революции 1919 г. Автор ставит вопрос о мере личной ответственности мыслителя за насилие, которое понимается Лукачем как «путь к подъему и свободе культуры», пролегающий исключительно через диктатуру.

Центральной темой четвертой части статьи является идеологическое влияние, оказанное Лукачем в период так называемой «революции 1968 года» в ФРГ, а также критическая моральная оценка этого влияния. Библиогр. 40 назв.

Ключевые слова: марксизм, рецепция философии Ницше, венгерская революция 1919 г., сила, индивидуальная сила, революционное насилие, западногерманское студенческое движение 1968 г.

Т. Kuzias

GEORG LUKÁCS AND THE GOETHE PRIZE

The article is devoted to intellectual evolution of the Hungarian philosopher and ideologue Georg Lukács (1885–1971) whose theoretical and political development reveals the character of the 20th century in a special way. In the first part of the article, the author, starting from the fact that Lukács was awarded the Goethe Prize in Frankfurt am Main (1970), analyzes the antithetical origins of his philosophical position. The views of the thinker were formed under the influence of the sociologic vision of history and the concept of the generic forces of Marx. However, inspired by German culture Lukács turned to the Goethe's ideal of the creative personality, in order to overcome the methodological one-sidedness of the Marxist image of a man oriented towards the socialized concept of labor.

In the second part of the article, the author focuses on the hidden source of Lukács' position: Nietzsche's metaphysics of power. He puts forward the thesis that the formation of Lukács' revolution has been fed from the earliest times by the concepts of the philosophy of life. The subsequent involvement of the thinker in the ideological circle of the revolution and civil war weakened Nietzsche's influence. However, it can be traced in Lukács' interpretation of culture as the creativity of the proletariat's liberated forces. The author raises the question of the extent of Lukács' personal

---

Куциас Томас — PhD, публицист, еженедельники «Junge Freiheit» (Берлин, ФРГ) и «Etappe» (Бонн, ФРГ), Deutschland, 19089, Crivitz/Mecklenburg, Eichholzstrasse, 55; Th.Kuzias@web.de

Kuzias Thomas — PhD, publicist, weekly journals «Junge Freiheit» (Berlin) and «Etappe» (Bonn), Eichholzstrasse, 55, Crivitz/Mecklenburg, 19089, Deutschland; Th.Kuzias@web.de

* Перевод с немецкого канд. филос. наук доц. А. А. Иваненко.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

responsibility for violence, which the thinker understands as “the path to the rise and freedom of culture”, going exclusively through dictatorship. The central theme of the fourth part of the article is the ideological influence exerted by Lukács during the so-called “1968 revolution” in Germany, as well as a critical moral assessment of this influence. Refs 40.

Keywords: Marxism, reception of Nietzsche’s philosophy, Hungarian Revolution of 1919, power, forces propres, revolutionary violence, German student movement 1968.

Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Карл Маркс

Человек есть множество сил, находящихся между собой в иерархическом отношении.

Фридрих Ницше

Противники всегда видят яснее всего.

Георг фон Лукач

I

После в высшей степени бурлескного сатирического спектакля под названием «1968 год» история опустила занавес, чтобы в 1989 г. окончательно вычеркнуть из плана постановок всемирно-историческую трагедию марксизма. Огромный некогда интерес к марксизму становится все слабее и слабее, и не в последнюю очередь потому, что крупным сплетням не удалось упаковать этот сложно разветвленный процесс в удобные формулы. И все же иногда было бы целесообразно вспоминать некоторые сцены из этой классической трехактной трагедии. Упомянув Георга Лукача, в фигуре которого в тугой узел завязалось множество отдельных аспектов целого, мы обращаем взор на одного из ее главных действующих лиц. Никто из марксистских мыслителей не был настолько интересен, как этот влиятельный философ и литературовед, сразу же после венгерской революции 1919 г. отказавшийся от дворянского звания, так дорого стоившего его успешному в буржуазном мире отцу. Лукач всегда помнил, что его жизнь протекает по законам трагического жанра, и никогда не поддавался «обману аристократии пера» (М. Нордау). Значимость фигуры Лукача подтверждается бесчисленным множеством до сих пор выносимых в его адрес оценок, согласно которым он — крупнейший после Маркса марксистский теоретик, литературовед европейского масштаба, самый значительный философ Венгрии, «единственный мозг венгерского коммунизма» (И. Дучинска), основатель западного марксизма или даже просто — философ марксизма. Одним словом, для многих он до сих пор является выдающейся фигурой современности. Слог Лукача прозрачен и стиль лишен специфичности, он создавал монистичные теории в ураганном темпе, воплощая марксистское единство теории и практики в совершенно своеобразном сплаве, составные части которого вовсе не утратили актуальности. Томас Манн сказал о нем однажды: «Пока он говорил, он был прав» [1, S. 172].

После 1945 г. в связи с пиком известности Лукача в эпоху между мировыми войнами его мысль распространилась по всей Европе, как в русско-советском

Восточном блоке, так и на свободном Западе. Даже в сухом англосаксонском мире возникла своеобразная «Лукач-индустрия», что повсюду встретило позитивную оценку и сочувствие [2, S. 75; 3, p. 136–143]. Но фактическое возвращение на немецкую сцену, которая с давних пор занимала центральное место в стратегических планах коммунизма, ему все же обеспечили по-диофантовски возбужденные студенты 1968 г., с горячим усердием пиратским способом тиражировавшие памфлеты о гражданской войне одного из своих самых репрезентативных авторов. Главная работа Лукача «История и классовое сознание» (1923), написанная в смутное время Венгерской советской республики и сразу после него на чудесном языке юго-западного кантонианства, лишь в это время стала классикой левой интеллигенции. В камерах, где сидели участники террористической группы «Фракция Красной Армии», она точно была.

Когда жесткие выходы западногерманской студенческой молодежи достигли в 1970 г. своей кровавой вершины, дух времени, дух культурной революции проявился в том, что премия Гёте города Франкфурта, до сих пор предназначавшаяся скорее консервативным и буржуазным деятелям культуры, была вручена Георгу Лукачу. И. Фетчер — неутомимый деятель народного просвещения и энтузиаст пропаганды западного марксизма, от которого он публично дистанцировался лишь 25 ноября 2005 г. в Лейпциге, написал «Laudatio». Он был мотором кампании по склонению комиссии к выбору кандидатуры Лукача, и аргументы, приводившиеся в ходе этой кампании, зафиксированы в тексте наградной грамоты от 28 августа 1970 г. Город Франкфурт-на-Майне, написано в ней, чувствует премией Гёте «крупного марксистского философа, исследователя литературы и гуманиста, который в своей книге “Гёте и его время” убедительно опроверг традиционные и реакционные клише в отношении Гёте и показал живой образ Гёте во всей его глубине и прогрессивности, но также и в его противоречивости и ограниченности. Тем самым одновременно награждается и труд всей жизни, который, базируясь на убежденности в ответственности науки за состояние народа, стал решающим вкладом в критическое освоение и сохранение классической немецкой культуры» [4, S. 7]. Здесь совершенно очевидным образом обнаруживается связь специфического понимания науки и истории с духом революции 1968 г., которая играет роль действительного фундамента продолжительной гегемонии левого лагеря в ФРГ и до, и после объединения Германии. Плацдармы до сих пор порой оплакиваемой «DDR-light» создавались еще 40 лет назад, задолго до национального воссоединения 1990 г., мнимые опасности которого сильнее всего побуждают левых либералов к возврату к духовным достижениям красного «гуманизма». Но какова была цена этих экстраординарно смелых действий? В какой омут бросились члены франкфуртского жюри, самовольно присудив свою высокую награду? Стоит ли еще сегодня вспоминать о событии, основные черты которого давно уже стали общеизвестными? Время своим незаметным течением отделяет связанное лишь с моментом настоящего от надвременного и обещает, что духовные вопросы, вплетенные в подобного рода политически окрашенные события, всегда будут оставаться свежими, новыми и интересными.

«Laudatio» И. Фетчера было апологией литературно-теоретических взглядов самого известного марксиста того времени, опирающейся на веру в прогресс. В качестве своего самого серьезного и убедительного аргумента оно проецировало на

стену церкви св. Павла призрак нового фашизма как «объективно возможный» [5, S. 21]. «Просвещенные и политически активные индивиды и классы способны воспрепятствовать тому, чтобы эта возможность вновь стала действительностью» [5, S. 21]. Однако Лукач как борец против фашизма выступал только в качестве «тягловой лошадки» мероприятия. Но по мере того как разворачивается фундаментальная историко-философская убежденность этой риторики 1968 г., все отчетливее выступает непонятность такого безусловного поклонения Лукачу. Как упоминалось выше, присуждение премии Лукачу основывалось на его книге «Гёте и его время» (Берн, 1947)¹, в которой собраны статьи 1934–1940 гг. Излагаемое в них понимание Гёте было подчинено схеме борьбы с фашизмом (не изменившейся после поражения немецкого марксизма в 1933 г.) и направлено к тому, чтобы спасти гуманистическое содержание немецкой культуры перед лицом казавшейся окончательной катастрофы. Книга Лукача о Гёте полностью следовала марксистской антитетике истолкования истории, не позволяя понять мотивы и основания такой оценки Гёте. Главной задачей Лукача при этом было опровержение и разоблачение «буржуазно-реакционных» противников и конкурентов по интерпретации, и более того — нейтрализация «литературных штурмовиков» [6, S. 155]. В этом заключалось собственно политическое направление главного удара литературоведческого использования Гёте Лукачем, в котором в равной мере знали толк как коммунисты ГДР, так и западногерманские деятели культурной революции.

Начиная с 1932 г., года столетия со дня смерти Гёте, коммунистическая пропаганда все в большем масштабе предъявляла претензии на чужое наследие, которое по-настоящему стало приносить плоды только после 1945 г. Даже на Маркса, любовно называвшего поэта «отец Гёте» [7, S. 663], немецкий гений оказал влияние только в рамках общего гражданского образования. «Маркс не оставил выраженного образа Гёте», — вынужден был признать В. Хайзе [8, S. 350]. Лукач, парировав поражение марксизма в 1933 г. форсированным обращением к немецкой классике, заложил основы плодотворной традиции коммунистического самопостижения. И хотя реактивный характер этой духовно-политической стратегии всегда оставался заметным, она имела необычайно широкие последствия. В. Ульбрихт, который своими представлениями о культурной политике был обязан эмиграции в СССР, даже возвысил ГДР до «третьей части Фауста» [11, S. 455].

Само собой разумеется, франкфуртская речь Лукача (которую лауреат не смог произнести лично, так как из-за болезни вынужден был остаться в Будапеште) была построена обычным социологизаторским образом. Новым в ней было более интенсивное обращение к Марксу. В своей, пожалуй, последней крупной речи Лукач достиг в некотором роде высшего пункта компенсаторного пересечения Маркса и Гёте. Уже его московские исследования Гёте были сознательно ориентированы на «родовые силы», на основе которых человек творит [6, S. 184]. Расплывчатое понятие «родосоразмерности» играло у Маркса связующую роль для обоснования его образа человека, социологизированного и ориентированного на обобщественное

---

¹ Об успехе данной книги свидетельствуют многочисленные переиздания и переводы: ГДР — 1949, 1950, 1953, 1955, 1959; ФРГ — 1964, 1967*, 1968*, 1971*, 1973*, 1975* (* — расширенное издание под названием «Фауст и Фаустус» в издательстве Rowohlt-Verlag, Hamburg); французские издания — 1949, 1951; итальянские — 1949, 1974; шведские — 1949, 1981; японские — 1952, 1954; словенское — 1956; польское — 1958; испанское — 1968; английские — 1968, 1978.

понятие труда. Ведь «*forces propres*», как писал в 1843 г. молодой Маркс [10, S. 370]², осуществляют себя только в общественно организованной эмансипации, а вне ее не имеют собственного центра тяжести. Несомненно, что Лукач, испытавший в ранние годы сильное влияние философии жизни, усмотрел эту методологическую односторонность в Марксовой концепции самоосвобождения человека. Поэтому здесь он стремился установить равновесие путем возвращения к изображенному Гёте стремящемуся индивиду, классически, с точки зрения Лукача, представленному фигурой Фауста. В 30-е годы мыслитель, как сообщает его венгерская ученица А. Хеллер, даже собирался написать книгу об «образе жизни» Гёте [12, S. 447]. Но, по сути, Лукач московского периода был также далек от философски удовлетворительного решения проблемы эмансипации единичного человека, мыслимой исходя из этого последнего, как и франкфуртский лауреат. Для марксизма человек, единичный индивид остается *Terra incognita*, этот роковой парадокс лежит в основе представлений об эмансипации, определивших весь путь мысли Лукача. В своей благодарственной речи мыслителю оставалось утешаться скептически светлыми размышлениями Гёте об обусловленности индивидуальности художника. С другой стороны, им было представлено притязание Маркса на «царство свободы», которое обещает «развитие человеческих сил, являющееся самоцелью» по ту сторону царства необходимости в качестве «истинного царства свободы» [13, S. 828]. Но как очевидно, что индивидуальность художника ускользает от любой претензии на сведение ее к общественному, так же ясно и то, что в конструируемой Марксом давящее низшего царства необходимости невозможно найти компенсирующую точку перехода. К чему обратится не имеющий самостоятельного образа индивид эпохи модерна, если будет выполнено требуемое Марксом «фундаментальное условие» [13, S. 828]³ сокращения рабочего дня? В ледяном дворце Марксовой «родосораз-

² Новейшая попытка обрисовать гуманизм молодого Маркса принадлежит Ю. Нида-Рюмелину [11]. Смелые заявления Нида-Рюмелина о том, что «исходным пунктом» марксизма являлся «антропологический и этический гуманизм» [11, S. 470], в недостаточной мере обоснованы приведенной в качестве доказательства смесью из авторитетных высказываний и коллажа из цитат.

³ «По ту сторону царства необходимости начинается развитие сил человека, являющееся самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести только лишь на основе царства необходимости как его базисе. Сокращение рабочего дня является фундаментальным условием». Как полностью последовательный теоретик, Маркс, скорее, равнодушен к вопросам человеческого существования по ту сторону установленных им ограничений. Социально-революционному «пророчеству» нужно полностью доверять, руководствуясь целью; мыслимые (и подлежащие дискуссии) предпосылки самой цели не предусматриваются: «Свободное время, которое есть как праздное время, так и время для высшей деятельности, естественно, превращает обладающего им в совершенно другой субъект, и как такой другой субъект он вступает затем в непосредственный продуктивный процесс» [14, S. 599–600]. Этот «другой субъект» нигде не становится темой развернутого рассмотрения, не говоря уже о теоретическом развитии, свободное время понимается лишь как *capital fixe* [14, S. 599–600]. В конечном итоге критически выделить стоит не «невыносимую <...> альтернативу производительного рабства и непроизводительной свободы», как полагала еще Ханна Арендт [15, S. 123]. В гораздо большей степени бросается в глаза имманентное теории безразличие в отношении каких бы то ни было элементов реалистичного образа человека, исходящего из самого человека, как это становится видно из анализа Марксова понятия силы. Между полным пренебрежением индивидуальными силами (*forces propres*) в конкретный момент здесь и сейчас, за которым у Маркса стоит Руссо, и будущим «развитием сил», которое должно начаться с достижением цели «пророчества», зияет некоторым образом роковая «черная дыра», заполнению которой были посвящены и посвящаются до сих пор многочисленные попытки модернизации антропологического, социально-философского или психологического

мерности» компенсаторное обращение к Гёте обеспечивает, по крайней мере, отдых в комфортабельной комнате с камином.

Обладает ли этот типичный для творчества Лукача способ действий каким-либо содержанием сверх взятого напрокат? Что остается от его интерпретации Гёте, когда исчезают историческая убежденность, псевдомессианский оптимизм и упоение культурной революцией? Состоятельна ли она в сравнении не только с «буржуазными» интерпретациями своего времени? Если значение Маркса в ней сходит на нет, то Гёте это не касается.

II

Гёте, как сформулировал Лукач в своей благодарственной речи, недвусмысленно озаглавленной «Гёте через Маркса», сегодня, как и прежде, «мера человеческого бытия» [17, S. 23]. Не случайно и совершенно справедливо Лукач ссылается в этой речи на свое «первое серьезное эссе» [17, S. 23] — статью 1907 г. «Новалис» [18], столь же герметичную, сколь и строго систематичную. В споре с ранними йенскими романтиками (но не с «Марксовой интерпретацией Гомера» [17, S. 27], как утверждалось им в 1970 г.) молодой «домарксистский» Лукач выработал в ней свое понимание Гёте. Комплексное решение в пользу Гёте и против Новалиса и романтизма обширно обосновывалось выразительно изложенной метафизикой силы, связанной с ницшеанской фазой развития Лукача. В то время как эссе в целом было последовательным применением ницшеанских воззрений и понятий (сила, поступок, опасность, судьба, жизнь, трагичность, одиночество, формула, героичный), о происхождении и роли этих конституирующих мер для достижения Лукачем понимания Гёте не говорилось ни слова. Однако все выглядело так, как будто тайная, вне-временная мера человеческого бытия на самом деле *должна носить имя* Фридрих Ницше. Если Лукач «пребывал в плену у философии жизни», то нечистую совесть философа нетрудно обнаружить. После своего официального обращения к Марксу он попытался ориентироваться, по меньшей мере, на его скудные положительные указания на роль анонимных родовых сил в провозвещенном процессе эмансипации. Отрицательные, выдающие полное презрение к индивидуальным силам (*forces propres*) аксиомы он при этом обошел стороной.

Ницшеанская метафизика силы Лукача в конечном итоге проникла в его программные сочинения и речи периода диктатуры Советов в Венгрии. Центральной мыслью этих работ было убеждение в том, что еще неизвестное содержание новой культуры будет создано «силами пролетариата»⁴, а не материалистическим перево-

---

дискурса в рамках марксистской традиции. Духовная история марксизма в XX в. есть история таких компенсаторных попыток. История марксизма без духовной истории, следовательно, пуста, марксистская же духовная история без истории идеологии, напротив, была бы в отношении к марксизму политически слепой. Парадоксальная натянутость в «философском» обосновании есть результат специфических представлений о политическом. Антипода Маркса, Бруно Бауэра, эти затруднения в свое время повели к последовательному и раннему обращению к консерватизму: «Масса есть важнейшее произведение революции. <...> Французы выдвинули ряд систем того, как масса должна быть организована — но у них получались фантазии, так как они рассматривали массу, как она есть, в качестве употребляемого строительного материала» [16, S. 211].

⁴ В посвященной Гёте главе «Теория романа» ницшеанские элементы уже устранены [19, S. 140–155]. Все же влияние философии жизни сохраняется и после опыта диктатуры Советов, как свидетельствует последовательное употребление метафизического понятия силы в статье «Старая

ротом. В начале XX столетия, в период, когда его вдохновляло ницшеанство, позже отвергнутое им, Лукач даже отрастил импозантные ницшеанские усы [21, p. 70]. А еще в короткой, сочиненной им в середине 1910 г. рецензии на книгу о Ницше, написанную его другом Л. Фюлером, встречается поразительное высказывание: «Настоящая книга о Ницше все же еще только должна быть написана» [21, p. 71]. Это требование не было исполнено в Венгрии, все важные книги на эту тему появились лишь спустя 20 лет в Германии. Неизбежный выбор между Марксом и Ницше, о котором Лукач говорит в «Истории развития современной драмы» (работе, написанной в 1906–1907 гг., но напечатанной в 1911 г.) в связи с анализируемыми им авторами [22, S. 354], в это время неявным образом касался и его самого. Интересно, почему Лукач, несмотря на то что он интенсивно занимался Ницше и высоко ценил его, так и не высказался о нем публично? Вероятно, Маркс и марксизм, похоже уже в связи с событиями 1905 г. в России, интенсивным духовным переживанием во- рвались в его до сих пор буржуазно окрашенный образовательный горизонт.

Духовные предпосылки его выбора большевизма в 1918–1919 гг., вопреки распространенной легенде о внезапном превращении Лукача из Савла в Павла, задолго до этого были подготовлены интенсивным изучением марксизма. Уже в начале 1910 г. в статье «Пути расходятся» марксизм был открыто положительно оценен как «наука, занимающаяся человеком», ведь он, наряду с естественными науками, впервые осуществил «отрицание субъективистского, импрессионистического рассмотрения жизни», и даже более того, обеспечил «однозначные и контролируемые утверждения и порядок в вещах» [23, S. 67]. Эта фундаментальная оценка, что доказывает ее включение в сборник эссе «Эстетическая культура» (венгерское издание 1913 г.), сохранялась, несмотря на некоторые позднейшие колебания и критику существовавшего тогда социал-демократического социализма, из которой можно сделать вывод о мотивах специфического для Лукача варианта обновления марксизма. Тот факт, что легенда о внезапном обращении Лукача, которое постоянно трактуют как «прыжок» или даже как «резкий разрыв» (Тибор Ханак), некритическим образом продолжает свое хождение в международной исследовательской литературе, объясняется просто. Значительная часть его венгерских публикаций до сих пор оставалась непереуведенной. Без сомнений, самое простое объяснение нашел либеральный американский социолог Д. Белл. Он верит в то, что за развитие Лукача в сторону революции и насилия ответственность несет «революционная ведьма» [24, S. 435] — первая жена Лукача, происходящая из русских анархических кругов Елена Афанасьевна Грабенко.

и новая культура» (1920), являющейся расширенной версией речи при вступлении в должность в Университете Маркса и Энгельса: «Культура есть идея человеческого бытия человека. Поэтому культура творится людьми, а не обстоятельствами. Каждое преобразование общества создает поэтому только лишь рамки, лишь возможность для свободной самодеятельности, для спонтанной творческой силы людей. Поэтому социологическое исследование не должно идти далее анализа рамок. Какой содержательно, по существу, будет культура пролетарского общества, будет определяться исключительно высвобождающимися силами пролетариата, в отношении этого смешна всякая попытка что-либо предсказать» [21, S. 149–150]. Возможно, речь здесь идет о самом скрытом и в то же время самом глубинном влиянии Ницше во всей марксистской литературе XX в. Непроизвольно возникает вопрос, почему вообще это должно осуществиться посредством гражданской войны? Никаких следов «философской» необходимости такого обходного пути у Лукача не видно, его жажда общественного переворота должна иметь другие источники.

Левые теоретики, без всяких сомнений, горячо жаждут ренессанса Лукача, мечты о котором они выразили, например, в сентиментальном томе воспоминаний «Георг Лукач и 1968 г.» [25]. Там можно обнаружить следующее утверждение: «С помощью Лукача марксизм в течение долгого времени был бы в состоянии опровергнуть любую конкурирующую теорию» [25, S. 154]. Тупиковость этой позиции очевидна. Лукач среднего периода своей эволюции неизбежно ведет в идейный круг революции и Гражданской войны, ленинизма и сталинизма. Попытке взять за основу позднего, фрагментарного Лукача угрожает старая опасность вновь сделать из социологии — прилежной служанки любой разумной политики — ложную королеву левого самопостижения. И только ранний Лукач дает жаждущим обновления левым шансы сохранить их традиции и не повторять постоянно старые ошибки. Новое открытие молодого Лукача дало бы в то же время и консерваторам возможность для начала плодотворной дискуссии; в связи с этим можно указать хотя бы на малоизвестное эссе Георга Лукача «Романская опасность» (декабрь 1911 г.). Здесь можно найти такие высказывания и размышления, какие стопроцентная приверженность марксизму позже уже ему не позволяла: «В отношении культуры Бисмарк гораздо более революционный тип, чем Робеспьер», или «немцы суть то, чем были греки, — революционный народ *par excellence*, французы же подлинно консервативный» [26, S. 39–41].

Ныне революция и активное участие в насильственном перевороте, с точки зрения левых, являются знаком отличия, доказывающим универсальность и прогрессивность мысли и воли. Экспортер революции Че Гевара давно уже стал частью западной поп-культуры, а все попытки переименования строптивых улиц Либкнехта и Тельмана в восточногерманских деревнях и городах все еще затмеваются, как это недавно произошло в Тюрингии, посадкой памятного дуба или установкой мемориального камня в честь Вильгельма Пика. Ведь и в конце поздравительной речи бургомистр Франкфурта Вальтер Мёллер в свое время сказал: «Георг Лукач был и остается глашатаем переоценки многих ценностей во всех краях и социальных слоях нашей Земли. Наше решение вручить ему в 1970 г. премию Гёте — это призыв содействовать ему мыслью и делом» [27, S. 9]. Социал-демократ В. Мёллер, так же как и политолог И. Фетчер, с 1938 по 1945 г. служивший в вермахте, извлекли из своего военного опыта безусловно искреннее убеждение в необходимости начать сначала и вместе со всем поколением верили в великий спасительный прогресс. Но не вместе с Гёте, решительно отвергнувшим великий всемирно-исторический переворот своего времени — Французскую революцию — как миф о перманентном прогрессе и всеобщей эмансипации. Он называл революционную Францию «царством мертвых», ее идеи представлялись ему «самыми опасными из всех сумасбродств», в письме Шиллеру от 3 марта 1798 г. он даже сравнивал их с чумой. Работам Георга Лукача о Гёте, целиком написанным в СССР и впервые там опубликованным, нечего сказать о консервативном Гёте и его несомненном отвержении кровавой революционной Франции.

III

4 ноября 1918 г. в московском отеле «Дрезден» была основана Коммунистическая партия Венгрии. Второе, импортированное основание партии последовало

24 ноября 1918 г. в Будапеште, в ее ряды Георг Лукач был принят в качестве одного из первых членов (членский билет № 52). В конце марта 1919 г. он занял пост заместителя комиссара образования Венгерского советского правительства и развил большую активность в культурной политике, оценка которой у потомков колеблется от «небывалого подъема культуры и искусств» [28, S. 896–897] до «кампании по промыванию мозгов в культуре» [29, p. 98]⁵. Преобразовательные меры первых недель, однако, постепенно все больше отступали на второй план перед лицом военных столкновений с поддержанными Антантой соседями Венгрии, а также внутренней контрреволюцией, что несколько не поколебало псевдомессианский энтузиазм революционеров. Угроза традиционным границам Венгрии была также угрозой продолжению революции и ее спасительных достижений. В то время как захват власти диктаторскими Советами осуществился практически демократическим путем (хотя последующие меры по ее удержанию были недемократическими), теперь революции пришлось взяться за оружие и вступить в борьбу. В конце апреля 1919 г. Лукач добровольно отправился комиссаром пятой дивизии Красной армии сначала на румынский фронт, затем — на чешский, а потом снова на румынский. Примерно в это время он писал: «Венгерская пролетарская революция до сих пор скрывала в себе единственную опасность — легкость и ненасильственность первых успехов; ненадобность жертв ради победы. <...> Поэтому венгерский пролетариат должен с ликованием и счастливо приветствовать приближающуюся внутреннюю и внешнюю контрреволюцию. Мировой пролетариат может стремиться в своей борьбе только к победе» [31, S. 106].

В автобиографии «Прожитая мысль» Лукач рассказывает позднее о том, в какой мере он содействовал формированию образа большевистского политкомиссара. В связи с успешными атаками румынской армии, которым Красная армия мало что могла противопоставить, в местечке Порошло он приказал расстрелять восемь солдат бежавшего от них батальона. «Посредством этого, — пишет Лукач, — порядок, в общем и целом, был восстановлен» [32, S. 105]. Как сообщает биограф Лукача А. Кадаркаи, из этих восьмерых солдат 11 мая 1919 г. по приговору военно-полевого суда в действительности были расстреляны лишь шестеро, один сбежал, а еще один был помилован [21, p. 223]. В связи с защитой от антиреволюционных акций в Буда-

⁵ Одно до сих пор неизвестное интервью Георга Лукача Йено Мохачи дает возможность узнать новое о фундаментальных взглядах народного комиссара: «Старая культура, культура Средневековья, так же как и культура XIX в., уничтожена капитализмом. Пролетариат вновь пробудит ее. Согласно учению Маркса, всякая культура покоится на предпосылке, что люди должны не расточать свою действительную энергию в борьбе за существование, но применять ее для создания истинных культурных ценностей <...> Путь к подъему и свободе культуры, которая должна быть осуществлена в развитом коммунистическом государстве, точно так же, как в политике и экономической жизни, пролегает исключительно и только через диктатуру. При новой организации производства и в политической деятельности, чтобы возведение нового могло быть начато и завершено, должны быть уничтожены органы капиталистического общества; точно так же необходимо действовать и в области культуры. Задача здесь двойная — должна быть устранена анархическая дезорганизация и беспочвенность капиталистической культуры, а между трудящимися массами и культурой должен быть создан истинный контакт» (курсив мой. — Т. К.). Поэтому в эпоху диктатуры пролетариата необходимо осуществлять диктатуру и над явлениями культуры» [30, S. 4]. В том же издании «Pester Lloyd» был напечатан Декрет № 2179/КТЕХV Революционного правительства об «Основании рабочих университетов», подписанный Гарбаи и Лукачем [30, S. 1]. Явным образом при этом на вершине системы знания дело шло о конкретном созидании того, что Лукач в интервью назвал «истинным контактом».

пеште 24 июня Лукач исполнял должность коменданта «Дома Советов», в котором заседал высший партийный орган. В этой должности он издавал приказы, согласно которым, как сообщил немецкой публике Тибор Ханак в 1973 г., каждый, «кто встанет на сторону контрреволюции или возьмет в руки оружие» [33, S. 38], должен был быть казнен на месте. Как свидетельствуют многие авторы периода после Первой мировой войны, в результате погибли два человека. Имя одного из них известно: студент-медик Бела Мадараш был задушен, а его тело было сброшено в Дунай. В романе Д. Далоша «Играющий в прятки» (на что впервые указал П. Бюргер [34, S. 172]) ветеран войны 1919 г. перед погребением Лукача вспоминает о расстреле дезертиров «на фронте под Сольноком». Здесь речь могла бы идти о другой акции по стабилизации фронта, а не об описанной выше, ведь это место удалено почти на 70 километров от места «резни в Порошло» (А. Кадаркай). Ведь когда бои в середине июля возобновились и румыны в конце июля повели успешное наступление по всей линии Тисы, под Сольноком разразились жаркие бои, в конце концов приведшие к капитуляции южной группировки Красной армии. Румыны вошли в Будапешт, надеясь на территориальные приобретения, и помогли установить режим консервативного адмирала М. Хорти. До последнего момента коммунисты сражались лишь под красным знаменем, мысль, привлечь дополнительную поддержку принятием флага национальных красно-бело-зеленых цветов они почти сразу без колебаний отвергли.

Сколько человек погибло в результате революционной активности Лукача, сказать точно нельзя. В автобиографии, написанной 2 декабря 1940 г. в Москве, он о своем тогдашнем положении в Венгрии сообщал следующее: «Белое правительство Венгрии преследовало меня за более чем 200 убийств и требовало моей выдачи, чтобы подвергнуть меня смертной казни; оно также лишило меня докторской степени» [35, S. 529]. Бела Балаш в дневниковой записи от 4 декабря 1919 г. зафиксировал, что его друг Лукач «обвиняется в девяти случаях причинения смерти — у них есть список» [36, S. 134]. По всей вероятности число жертв находилось в пределах от 9 до 49, общепризнанные исследования исходят из того, что из 129 погибших за всего лишь 133 дня диктатуры красных Советов 80 человеческих жизней на совести так называемых «негодяев Ленина» [28, S. 885]. Проблема террора и насилия занимала молодого Лукача за много лет до того момента, когда она приобрела особую остроту в смуте венгерской революции. Политизированный квазигуманизм Первого интернационала, так же как этический реформизм Второго, в 1918 г. был «снят» в гегелевском смысле на террористическом уровне завершавшего трагическую трилогию Третьего интернационала, целям которого Лукач оставался верен всю свою жизнь. Но как только его теоретическое мышление приблизилось к практике, появились зловещие предзнаменования, указывавшие на приближающуюся трагедию.

IV

После того как мир трагических представлений движения 1968 г. и его активистов превратился в «революционное» насилие и вооруженную «борьбу», Министерство внутренних дел ФРГ заказало в 1978 г. ученым исследование духовных и идеологических корней движения и публикацию их «Анализа терроризма».

Авторами первого тома стали И. Фетчер и Г. Рормозер [37]. Выбор авторов, так же как и результаты их работы, симптоматичен, и даже можно сказать — парадигматичен для двух вариантов отношения науки ФРГ к проблеме левой идеологии XX в. Фетчер считал свое исследование причин терроризма «имманентной интерпретацией», результаты которой в целом представляют собой образцовую апологию марксистской традиции. Террор в исследовании Фетчера был рассмотрен в отрыве от его духовных предпосылок, и явление, как заболевание, было объявлено находящимся в ведении социальной психологии.

«Трансцендентальный подход» Рормозера, напротив, представляет собой всесторонний анализ генезиса западногерманского террора из его фактических идеологических предпосылок. Убедительность этого подхода проистекает как раз из того, что он обращает внимание на роль идеологической «модернизации» марксизма Лукачем, всячески затушевываемую Фетчером. Несмотря на то что Рормозер ограничивает собственный анализ главного труда Лукача — книги «История и классовое сознание» — вплавленными в него элементами классической немецкой философии, в первую очередь Гегеля, его теоретико-познавательный демонтаж этой работы представляет собой самую удачную в плане охвата и состоятельности попытку разобраться в данном вопросе с консервативных позиций. Анализ мысли Лукача Рормозером дает три важнейших результата: вновь актуализируя наследие немецкого идеализма, в первую очередь — Гегеля, Лукач, вопреки желанию, доказывает, что сам по себе марксизм «не обладает собственной аутентичной философской субстанцией» [37, S. 297]. Кроме того, в лице Лукача марксизм получил шанс «актуализировать для себя потенциал консервативной культурной критики» [37, S. 300]. И наконец, в вопросе о вкладе Лукача в генезис террористического сознания его оценка совершенно ясна: «Нет ни одного момента в истории современного духа, когда из деструкции духа настолько явным образом происходил бы террор» [37, S. 302].

Нужно ли *post factum* как бы лишить «гуманиста» Георга Лукача, в революционном мышлении и деятельности которого, вне сомнений, уже был предначертан «гуманизм выстрела в голову Фракции «Красной Армии» (Мартин Лихтмеш), премии Гёте? Можно ли было вообще летом 1970 г. знать обо всех этих обстоятельствах? Конечно, можно. Во-первых, обвинение в убийстве имплицитно содержалось в опубликованном 12 ноября 1919 г. в «Berliner Tageblatt» легендарном призыве спасти Лукача от высылки в Венгрию. В этом драматичном обращении ясно написано: Лукача «обвиняют в том, что он побудил к убийству политических противников» [38]. Но одиннадцать подписавшихся, среди которых были Пауль Эрнст, Генрих и Томас Манны, отвергали требования венгерского правительства: «В эти обвинения может верить лишь слепая ненависть» [39, S. 156]⁶. Более того, в 60-е годы происходивший из бывшей Югославии критик Лукача В. Цитта попытался часть этих сведений сделать предметом научной дискуссии на Западе

⁶ Призыв подписали Ф. Ф. Баумгартен, Р. Беер-Хофманн, Р. Демель, П. Эрнст, Б. Франк, М. Харден, А. Керр, Г. Манн, Т. Манн, Э. Преториус, К. Шеффлер, М. Вебер, А. Вебер, Э. Трельч и Г. Гауптманн были среди отказавшихся. Э. Блох со своей стороны опубликовал собственный призыв, в котором писал: «Говорят, что он совершил убийства. Тот, кто знает Лукача лично или по его сочинениям, видит в этих обвинениях гнусную ложь. <...> Лукач, исследователь Толстого и Достоевского, не играл в Венгерской республике никакой другой роли, кроме духовной» [39, S. 529].

[29, p.108]. Требование отзыва премии задним числом выглядит, следовательно, полностью возможным, а для некоторых даже желанным. И все же это вело бы в тупик и лишь бесполезно продлило бы болезненные последствия гражданской войны в Европе. Так мы последовали бы ложной схеме процветающей с 1968 г. культуры возмущения, препятствующей современности предпринять настоятельно требующиеся действия по адекватному историческому осмыслению трагедии XX столетия.

В другом же случае факты, подобные изложенным здесь, образуют иные взаимосвязи и помогут нам по-новому структурировать наши исторические знания. В качестве затакта к опровержению порой «примитивных» англосаксонских интерпретаций мысли Фридриха Ницше периода после Первой мировой войны Э. Фёгелин дал такую формулировку: «Ницше был отмечен тем образом, что он, единственный из всех философов, рассматривался в качестве одной из причин мировой войны» [40, P.149]. Даже если в далеком будущем Западная Европа будет восприниматься как давно исчезнувший мир, отличительная черта философа Георга Лукача будет усматриваться в том, что его аутентичная мысль прямо вела к убийству.

Литература/References

1. Mann T. Brief an Dr. Seipel [Letter to Dr. Seipel]. *Mann T. Miscellen*. Frankfurt am Main, 1968, pp. 171–172.
2. Bahr E. Die angelsächsische Lukacs-Renaissance [The Anglo-Saxone Lukacs Renaissance]. Text und Kritik. *Zeitschrift für Literatur* (München). 10. Jg., Heft 39/40, Oktober 1973, pp. 70–75.
3. Graff G. Lukacs in the American university. *New Hungarian Quarterly* (Budapest), no. 47, Herbst 1972, pp. 136–143.
4. Verleihungsurkunde [The text of the award certificate]. *Verleihung des Goethepreises der Stadt Frankfurt am Main an Prof. Dr. Dr. h.c. Georg Lukács am 28. August 1970 in der Paulskirche*. Reden, Frankfurt am Main, 1970, p. 7.
5. Fetscher I., Laudatio [Laudation]. *Verleihung des Goethepreises der Stadt Frankfurt am Main an Prof. Dr. Dr. h.c. Georg Lukács am 28. August 1970 in der Paulskirche*. Reden, Frankfurt am Main, 1970, pp. 10–21.
6. Lukacs G. *Goethe und seine Zeit [Goethe and his time]*. Berlin, 1955, 260 p.
7. Marx K. Brief an Ludwig Kugelmann [Letter to Ludwig Kugelmann]. *Marx-Engels-Werke*. Berlin, Dietz, 1965, vol. 32. 663 p.
8. Heise W. Zu Marx' Goethe-Verstandnis [On Marx's Goethe Understanding]. *Einheit. Zeitschrift für Theorie und Praxis des wissenschaftlichen Sozialismus*. Hg. vom Zentralkomitee der SED (Berlin). 38. Jg., Heft 3/4, 1983, p. 344–350.
9. Ulbricht W., Rede auf der 11. Tagung des Nationalrates der Nationalen Front des demokratischen Deutschlands in Berlin am 25. März 1962 [The Speech at the 11th Session of the National Council of the National Front of Democratic Germany in Berlin on 25 March 1962]. Ulbricht W. *Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Berlin 1966, vol. 10, pp. 455–458.
10. Marx K. Zur Judenfrage (Herbst 1843) [On the Jewish Question (Autumn, 1843)]. *Marx-Engels-Werke*. Berlin, Dietz, 2006, vol. 1, p. 370.
11. Nida-Rümelin J. Karl Marx: Ethischer Humanist — politischer Anti-Humanist? Zum 125. Todestag eines philosophischen Denkers und politischen Programmatikers [Karl Marx: Ethical Humanist — Political Anti-Humanist? On the 125th anniversary of the death of a philosophical thinker and political programmatic]. *Zeitschrift für Politik (München)*, 55. Jg., Heft 4, 2008, pp. 462–470.
12. Heller A., Jenseits der Pflicht. Das Paradigmatische der Ethik der deutschen Klassik im Œuvre von Georg Lukacs [Beyond the duty. The Paradigmatic of the Ethics of German Classical Philosophy in the Œuvre of Georg Lukacs]. *Revue Internationale de Philosophie* (Brüssel), vol. 27, 1973, pp. 439–456.
13. Marx K. *Das Kapital* [The Capital]. Vol. 3. Berlin: Dietz, 1988. 1007 p.
14. Marx K. *Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie* [Fundamental Criticism of Political Economy]. Berlin, Dietz, 1974. 1102 p.

15. Arendt H. *Vita activa oder vom tätigen Leben* [*Vita activa or active life*]. München, Zürich, Piper, 1998, 375 p.
16. Bauer B. Was ist jetzt der Gegenstand der Kritik? (Juni 1844) [What is the subject of criticism now? (June 1844)]. Bauer B. *Feldzüge der Kritik*. Frankfurt am Main, 1968, pp. 200–212.
17. Lukacs G., Dankrede [The acceptance speech]. *Verleihung des Goethepreises der Stadt Frankfurt am Main an Prof. Dr. Dr. h.c. Georg Lukács am 28. August 1970 in der Paulskirche*. Reden, Frankfurt am Main, 1970, pp. 22–27.
18. Lukacs G. von. Novalis (1907) [Novalis (1907)]. Lukacs G. von. *Die Seele und die Formen. Essays*. Berlin 1911, pp. 91–118.
19. Lukacs G. *Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der großen Epik* [*Theory of the novel. A history-philosophical essay on the forms of the great epic*]. Berlin, Cassirer, 1920. 169 p.
20. Lukacs G. Alte Kultur und neue Kultur [Old culture and new culture]. Lukacs G. *Taktik und Ethik. Politische Aufsätze I, 1918–1920*. Darmstadt, Neuwied. Luchterhand, 1975, pp. 132–150.
21. Kadarkay A. *Georg Lukacs. Life, Thought, and Politics*. Oxford and Cambridge, Massachusetts, Blackwell, 1991, 538 p.
22. Lukacs G. von. Die Entwicklungsgeschichte des modernen Dramas [The developmental history of Modern drama]. Lukacs G. von. *Werke*. Vol. 15. Darmstadt, Neuwied, Luchterhand, 1981. 600 p.
23. Lukacs G. Die Wege gingen auseinander. Die “Acht” und die neue ungarische bildende Kunst [The roads diverged. The “Eight” and the new Hungarian visual art]. “*Nyugat*” und sein Kreis, 1908–1941. Leipzig, Reclam Publ., 1989, pp. 64–70.
24. Bell D. Revolutionärer Terrorismus: vier Rechtfertigungen [Revolutionary terrorism: four justifications]. *Merkur* (Frankfurt am Main), 56. Jg., Heft 5, Mai 2002, pp. 433–438.
25. *Georg Lukacs und 1968: eine Spurensuche* [*Georg Lukacs and 1968: a trace search*]. Bielefeld, Aisthesis-Verl., 2009. 357 p.
26. Lukacs G. von. Die romanische Gefahr [Romance danger]. *Pester Lloyd*, Morgenausgabe, 58. Jg., Nr. 305, 24. November 1911, pp. 39–41.
27. Möller W. Preisrede [The speech at the award]. *Verleihung des Goethepreises der Stadt Frankfurt am Main an Prof. Dr. Dr. h.c. Georg Lukács am 28. August 1970 in der Paulskirche*. Reden, Frankfurt am Main, 1970, p. 9.
28. Gräfe K.-H. Von der Aternrevolution zur Räterepublik. Ungarn 1918/19 [From the Asterrevolution to the Council Republic. Hungary 1918/19]. *Utopie kreativ: Diskussion sozialistischer Alternativen*, Heft 168, Oktober 2004, pp. 885–900.
29. Zitta V. *Georg Lukacs' Marxism. Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology*. The Hague: Nijhoff, 1964. 305 p.
30. *Die ungarische Räterepublik. Georg Lukacs über die Kulturpolitik der Räteregierung* [*The Hungarian Republic. Georg Lukacs on the cultural policy of the Council*]. *Pester Lloyd*, 66. Jg., Nr. 75, 30. März 1919, pp. 4–5.
31. Lukacs G. Die echte Einheit (22. April 1919) [The Real Unity (April 22, 1919)]. *Lukacs G. Taktik und Ethik*. Politische Aufsätze I, 1918–1920. Darmstadt, Neuwied, Luchterhand Publ., 1975, pp. 104–107.
32. Lukacs G. *Gelebtes Denken* [*Living thought*]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. 307 p.
33. Hanak T. *Lukacs war anders* [*Lukacs was different*]. Meisenheim am Glan, Hain, 1973. 189 p.
34. Burger P. Verschüttete Spuren. Georg Lukacs in der Frankfurter Schule [Spilled traces. Georg Lukacs in the Frankfurt School]. *Neue Rundschau* (Frankfurt am Main), 114 Jg., Heft 3, 2003, pp. 163–173.
35. Lukacs G. Lebenslauf, Moskau, 2. Dezember 1940 [Biography, Moscow, December 2, 1940]. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* (Berlin), 48. Jg., 2000, Heft 3, pp. 529–530.
36. Por P. Lukacs und sein Sonntagskreis: ein unbekanntes Kapitel aus der Geschichte des europäischen Denkens [Lukacs and his Sunday circle: an unknown chapter from the history of European thought]. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik* (Stuttgart), Heft 53/54, 1984, pp. 108–146.
37. Fetscher I., Rohrmoser G. *Analysen zum Terrorismus. Bd. 1. Ideologien und Strategien* [*Analyzes on Terrorism, Vol. 1. Ideologies and Strategies*]. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1981. 346 p.
38. Ein Aufruf (Berliner Tageblatt, 12. November 1919) [An appeal (Berliner Tageblatt, 12 November 1919)]. *Paul Ernst und Georg Lukacs. Dokumente einer Freundschaft*. Dusseldorf, 1974, pp. 155–156.
39. Bloch E. Zur Rettung von Georg Lukacs [To the rescue of Georg Lukacs]. *Die weißen Blätter: soziologische Probleme der Gegenwart* (Berlin), 6. Jg., Nr. 12, 1919, pp. 529–530.
40. Voegelin E. Nietzsche, die Krise und der Krieg [Nietzsche, the crisis and the war]. *Sinn und Form* (Berlin), 58. Jg., Heft 2, 2006, pp. 149–174.

Для цитирования: Кузиас Т. Георг Лукач и премия Гёте // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 400–413. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.402>

For citation: Kuzias T. Georg Lukács and the Goethe Prize. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 400–413. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.402>

Статья поступила в редакцию 12 января 2017 г.

Статья рекомендована к печати 13 июня 2017 г.